

НА СЦЕНЕ—ЖИЗНЬ

В ЖИЗНИ известного всем в городе и всеми любимого актера — народного артиста РСФСР Василия Ивановича Разумова значительная дата: ему исполнилось 75 лет. В нашем городе своей яркой и радующей творческой жизнью артист живет уже 35 лет.

В театральном искусстве часто меняются «моды», то и дело приобретает первенствующее место одна или другая сценическая манера, стиль исполнения. Сегодня капризная мода требует сдержанности, лаконичности, чуть ли не «затаенности» актерской игры, «интеллектуальности» и т. д. Завтра вдруг вспоминают о пафосе, о романтике, об открытом актерском темпераменте, о подчеркиваниях и преувеличениях... Школа переживания, школа представления, условности древнего лицедейства... К сожалению, нередко бывает так, что под этими теоретическими тонкостями скрывается профессиональная беспомощность и холод сердца, незнание правды, жизни и неумение перебросить мостик со сцены в зрительный зал, установить связь с мыслями и чувствами нового зрителя. И поэтому большинство «ультра-правых» или «ультра-левых» деятелей театра испытывает втайне искреннюю зависть к тем, кто, не мудрствуя лукаво, исходит в своем творчестве от органичности актерского дарования, от традиций замечательных русских актеров, от чистоты и полнокровности настоящих, классических актерских «амплуа».

В. И. Разумов — актер, отличающийся вот именно такой завидной органичностью и мудрой классической ясностью, вот такой четкой определенностью амплуа, которая, как блеск и журчание родника в лесной чаще, сверкает свежей и всегда неожиданной радостью для зрителя — безразлично, кто сидит в зрительном зале: «зритель-консерватор» или «зритель-новатор». Потому, что это искусство — в высшем смысле слова, не подвластное моде и превратностям времени, вечная молодость театра. В. И. Разумов — актер классической «высокой комедии», которая требует от исполнителей глубины и полноты, изменчивости и многогранности жизни, гражданской зоркости и точности политической идеи, умения идти от высот подлинного драматизма до столь же совершенной и точной комедийности, исполненной и лирического мягкого юмора и сатирической соли и злости.

Обычное определение: «не играет, а живет на сцене» — чаще всего применяют к В. И. Разумову

НАРОДНОМУ АРТИСТУ РСФСР В. И. РАЗУМОВУ—75 ЛЕТ

в театральной прессе. И что тут можно возразить по существу? Действительно, жизнь — во всей ее подлинности... Но эта жизнь — от высокого искусства, от тщательно выверенного мастерства. От органического чувства правды в искусстве. В искусстве! — об этом нельзя забывать.

У большого актера классической школы — всегда особая сердечная связь с русской драматической классикой. А. Островский, Чехов, Горький... Сразу вспоминаются красочные живописные, пластически выразительные роли Разумова в пьесах Горького: спокойный философ-циник Бубнов («На дне»), горестно и едко взволнованный Бессеменов («Мещане»), мудрый Левшин («Враги»), велеречивый, хитрый и расчетливый поп Павлин («Егор Булычев и другие»), задумавшийся буржуа — Двоеточие («Дачники»). Живо всагает перед глазами седой, кудрявый, живой и забавный юморист Двоеточие, который старается под своим рассыпчатым смехом и шуточками скрыть горькую растерянность, обиду от невозможности к полезному делу употребить свою кипучую энергию и талант — такую типично русскую тоску по живому делу в эпоху безвременья...

А поп Павлин! Чего стоит сцена, когда этот любитель житейских удовольствий удивительно «вкусно» и изящно ест за столом у Булычева — рядом с тяжело осевшим в кресле больным и мрачным Булычевым. Зритель точно ощущает естественность этого открытого и яркого сопоставления. Высокопарные речи образованного служителя алтаря о прахе земном — и «фламандская», сочная, плотская жадность к земному. Разумов наглядно раскрывает смысл неистового крика Булычева по адресу Павлина: «Прах — а ряса-то на тебе шелковая! Прах — а жадничает!» Невольно протягивается нить от этого незабываемого сатирического изображения к сходной и в то же время совсем другой роли — протоиерея Закатова в «Любови Яровой» Тренева: невозмутимый, жуликоватый церковный делец, который весь в «делах мирских» и ни в каких социальных бурях и смятениях не упустит своего...

Галерея образов Островского — полнокровные, цельные, крепко стоящие на ногах, грузные «хозяева жизни» Хлынов, Гордей Торцов и тут же совсем другие — Белугин-отец, Мамаев, Грзнов, и

особенные чеховские герои — Вафля и Семенов-Пищик...

В советских пьесах В. И. Разумову всегда везло на хороших людей — в этих ролях очень выразительным было удивительное обаяние актера и живое народное ощущение русской национальной силы и душевной красоты. Запомнились зрителям дед Григорий в пьесе горьковского драматурга Г. Федорова «В нашем доме», дядя Федя в «Персональном деле» Штейна. Очень сильно, с большой патриотической яркостью прозвучала в военные годы роль фельдмаршала Кутузова. В работе над этой ролью Василий Иванович исходил в чем-то от толстовского видения образа народного полководца: добродушный, чисто русский юмор, мудрая проницательность, естественное презрение ко всякой фальши и «показухе», глубокое душевное родство с народом — и в то же время никакого упрощения, конкретная историчность образа: аристократическое изящество и благородство внешней манеры поведения, своеобразное щегольство профессионального военного. Пьеса военных времен и эта роль, с таким русским размахом сыгранная Василием Ивановичем, непосредственно вмешались в жизнь, вызывая душевный подъем у воинов, мгновенно возникавшие патриотические митинги. Не о такой ли «отдаче» мечтает каждый актер?

Очень интересной и многогранной оказалась последняя работа Василия Ивановича — в роли бывшего купца, кладбищенского сторожа Приходько в пьесе Шейнина «Тяжкое обвинение». Благородный жизнелюбец, смирившийся со своим положением, Приходько изредка тоскует о прошлом, но скорее о плотских радостях, чем о какой-то моральной или правовой стороне прежнего «жития». «Рубенсовский» живописный стиль Разумова достигает в этой роли такой художественной «плотности», что долго остается живое, «зрительное» впечатление от колоритнейшей фигуры «бывшего человека». Завидная актерская молодость — негражданская, неисчерпанная, вечная!

По справедливости судя, артисту вовсе не 75, а 35 — по числу прожитых в нашем городе творческих лет, по этой задорной молодости и густой силе таланта! Пожелаем ему многих лет новых творческих радостей и свершений!

А. АЛЕКСЕЕВА.

ГОРЬКОВСКИЙ РАЙОН
г. ГОРЬКИИ

7 ФЕВ 1967